

Суд
короля

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Йорк, 12 июня 1176

Казнь или яма... Хьюго Стэнтон не знал даже, что больше пришлось бы по душе обитателям этих жарких тесных улочек.

Трое обвиненных в жестоком убийстве мужчин не пожелали сознаться в содеянном. На состоявшейся в цитадели городского замка выездной сессии королевского суда его величества Генриха II они объявили себя невиновными.

Но это уже не имело ни малейшего значения.

Сегодня под этим безоблачным небом юного летнего дня их будет судить вода. Каждого из трех по очереди опустят в наполненную до краев яму — лишь очень немногим из собравшихся случалось видеть подобное испытание раньше. Тот, кто пойдет ко дну, будет признан невиновным, а оставшийся на поверхности отправится на виселицу и будет болтаться там, пока не умрет.

Все жители Йорка от мала до велика жаждали лично убедиться в великой силе королевского правосудия. Толпы горожан заполнили все подступы к вздымающейся в небо громадине собора, рядом с которым и была вырыта яма для ордалии. Собравшиеся толкались и гомонили, а вскоре в их ряды влились новые сотни зевак, шедшие за членами все сильного королевского суда.

— А ну-ка прочь с дороги! — раздался выкрик Несбитта, неуверенно вышагивающего за спиной Стэнтона. К кружке с элем судебный посыльный любил приложиться не меньше, чем и сам Стэнтон. — Дорогу людям короля!

Стэнтон внутренне сжался, прекрасно понимая, что толпа реагирует на нетрезвые выкрики Несбитта только из-за упоминания Генри. Народ покорно жался к краям залитой нечистотами булыжной мостовой, уступая дорогу.

Люди короля.

Да уж, слабовато звучит, коли речь о целой процессии королевских судей, прибывших сюда уже две недели как во главе пышной свиты, Стэнтон был смиреннейшим из членов этой свиты. Король отправил их обойти свои земли, дабы убедиться, что подданные блюдут его законы. Тех же, кто отступал от них, карали — и карали жестоко. Судьи строго следили за этим.

— Люди короля! — вновь выкрикнул Несбитт.

Пускай и простой посыльный, Стэнтон был одним из них, однако он с огромной радостью отказался бы от такой чести. На проплывающих мимо потных лицах потупившихся горожан читалось уважение со страхом, и Стэнтон беззвучно клял этих дуралеев.

Несбитт с размаху шлепнул его по спине, отчего Стэнтон едва не упал.

— Шире шаг, юный Стэнтон! — гаркнул спутник. — Не то на ордалию опоздаем!

— Отстань. — Стэнтон выровнял шаг, насколько позволяли ватные после эля ноги. — Никуда твои преступники не денутся.

— Ясно дело, что не денутся. Но мы же хотим увидеть все своими глазами, а?

— Да мне все равно, что там. Только бы на судей глаза мои не глядели. — Стэнтон сморщился. — Да и слышать их не хочу. Слишком много болтовни, сдается мне.

Да еще какой болтовни. На тяжбе о земле он почти сразу принялся клевать носом, а трое судей знай монотонно жужжали себе без перерыва, восседая в тесной и душной зале цитадели.

Потом явился раздавленный горем муж и отец, дабы потребовать возмездия убийцам своих близких. Вместе с ним, как того и требовал уже хорошо известный Стэнтону закон, пришли двенадцать свидетелей, которые именем Господа присягнули в том, что подозреваемые в убийстве были людьми дурного нрава.

Никто не видел страшного действия воочию, но каждый в деталях описал все, что было обнаружено впоследствии.

В тот момент Стэнтон попытался зажмуриться, но так и не смог.

Маленькая девочка. Ее мать. Одежда в клочьях. Ножи. Вспоротые глотки. Исчезнувшая серебряная фибула. Мужчина плакал, рассказывая о тех ужасах, свидетелем которых он стал и которые по милосердию Божию редко кому случается видеть.

А вот Стэнтон подобное видел. Всего лишь три месяца тому он стоял над распростертым телом своей возлюбленной, зарезанной из-за короля — да проклянет его Господь! Пусть те слезы уже и высохли, но боль утраты по-прежнему негасимо пылала в его груди.

Заседавшие в Йорке судьи не пожелали прислушаться к мужчинам, уверявшим их в своей невинности. Было объявлено, что все свершится по королевскому закону. Главное доказательство их вины или невинности будет добыто испытанием водой — Божьим судом.

И вот этот день настал.

Несбитт издал хриплый смешок:

— В законнических делах болтовни вообще выше крыши, Стэнтон. Ничего другого в них и вовсе нет.

Он с размаху навалился на сгрудившихся впереди зевак и вновь закричал:

— Слуги короля Генри! Посторонись!

— Дорогу! — вторил ему Стэнтон, хотя предпочел бы скорее

отрезать свой пьяный язык, чем осквернять его именем короля.

– Не желаете ли цветов, добрый сэр?

Стэнтон обернулся на раздавшийся у него из-за спины юный девичий голос.

– Цветов? – Она протягивала ему чахлый букетик.

Судя по смелости, с которой девушка встретила его взгляд, дело было совсем не в цветах. Стэнтону уже довелось повидать немало местных шлюх, но это лицо он видел впервые.

– Не сейчас. – Он покачал головой и двинулся дальше на неверных ногах.

– Но разве много времени надо, – она решительно зашагала вслед, не спуская с него заискивающего взгляда, – чтобы купить мой товар, такому славному юному слуге нашего короля?

– Спасибо, нет.

– Прошу вас, сэр!

В отрывистых словах девушки проскользнула нотка отчаяния.

Поникший букетик красноречиво свидетельствовал, что, несмотря на толпы народа, она уже много часов бродит по городу без малейшего успеха. И хотя выглядела девушка опрятно, из-за маленького подбородка она казалась дурнушкой, а бурое шерстяное платье почти болталось на тощей фигурке. По-настоящему красивыми были лишь ее каштановые волосы, заплетенные в перекинутую через плечо толстую косу.

Стэнтон приоткрыл свой висящий на поясе кошель, и девушка с неприкрытой жадностью уставилась на его руку, выуживающую оттуда монету.

– Держи. – Он опустил пенс в подставленную руку, и пальцы с обкусанными ногтями тут же обхватили монету. – А теперь иди себе.

– Спасибо, – ее улыбка не поднялась выше губ, оставив взгляд столь же пристальным, – спасибо, сэр.

Колокол уронил с высоты свой первый скорбный удар. На-
встречу ему взметнулся нарастающий рев толпы.

— Стэнтон!

Он едва расслышал этот окрик в поднявшемся гомоне.
Оглянулся.

Несбитт отчаянно махал рукой вверх колышущейся тол-
пы.

— Двигай задницей, парень!

Долой мысли о девке. Время настало.

Время ямы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Вышли уже? — Стэнтон вклинился в узкий просвет, который Несбитт умудрился расчистить своими плечищами в окружающей собор толчее.

— Нет пока, — откликнулся тот. — Ворота пока заперты.

Люди столпились здесь в три или четыре ряда, но теперь Стэнтон все отлично видел поверх бритой макушки какого-то монаха.

— Боже милостивый, — судорожно выдохнул он при виде подготовленной для ордалии ямы. Стражники оцепили ее, не подпуская толпу. — Есть на что посмотреть, а?

— А то! — осклабился Несбитт. — Тут куча народу понадобится и уйма времени, чтобы ее вырыть и наполнить. И все ради одного-единственного дня.

Стэнтон покачал головой:

— Тут от края до края метров шесть будет.

— Ага, — кивнул Несбитт, — да в глубину метра четыре.

Над ямой нависал широкий деревянный помост, его свежеструганые белые доски все еще пахли смолой.

Несмотря на то что небо было ясным, поверхность воды не играла бликами под лучами солнца. Она недвижно застыла, темная и мутная.

— Выходит, путь вниз не близкий.

— Ага, — снова кивнул Несбитт. — Да только уж лучше вниз, чем вверх.

Опускаться в эту жижу, когда ты лишен возможности хоть как-то воспрепятствовать этому. Все вниз и вниз, ощущая, как

вода заполняет твой рот, нос, твои легкие. И это участь невинного? Стэнтона передернуло.

— Пожалуй что.

Несбитт выпрямился во весь рост и воскликнул:

— Ворота открыли! Выходят!

Окружающие ответили на его возглас гулом, выкриками и свистом. Толпа взбудораженно содрогнулась за спиной у Стэнтона, горячие потные тела зевак навалились на него, вминая ребра посыльного в спину протестующему монаху.

— Назад, черт бы вас побрал! — Несбитт сопроводил свое проклятие энергичным ударом острого локтя. — Эдак вы тут всех нас передавите!

Стэнтон тоже изо всех сил налег на людей спиной, чувствуя, как безумно бьется сердце — из-за толчеи и из-за того, что вот-вот произойдет.

На площади показался архиепископ Йоркский. Он медленно взшел на помост. От жары и тяжести богато украшенного одеяния лицо его под остроконечной митрой было багровым. За ним шли трое королевских судей, которых Стэнтон знал поименно: величавый Ранульф де Гленвиль, Роберт де Во — чуть пониже первого — и кругленький Роберт Пикено. В полумраке залы суда он почти не замечал их черных мантий, но здесь, под палящими лучами солнца, судьи казались тремя слетевшимися в поисках падали воронами. При их появлении над толпой взлетели сжатые кулаки, поднялась и стала нарастать волна приветственных криков во славу судей, во славу короля. А потом толпа взревела пуще прежнего — на площади появились обвиняемые.

«Пресвятая Дева!» Стэнтон потрясенно распахнул рот. Он уже видел этих мужчин на суде, когда они стояли перед судьями — высокие, крепкие, суроволицы. Одежда на них тогда была не бедной — скорее грубой. Глядя на них, вполне можно было поверить, что любой из этой троицы способен ограбить и убить несчастную женщину с дочкой. Но ныне? Ныне

они кое-как взбирались на помост с опущенными головами, а один при этом громко всхлипывал. И ныне они были полностью нагими, если не считать жалкой скрывающей срам повязки.

— Да! — Несбитт с размаху шлепнул Стэнтон по плечу. — Я поставил на то, что все трое виновны. Да у них это прямо на лбу написано.

— Отстань! — Стэнтон сбросил его лапу. — Будь у тебя блохи, ты и на них ставить бы стал — какая выше прыгнет.

Несбитт хохотнул было, но осекся, едва архиепископ медленно поднял над головой широко разведенные руки.

Все остальные голоса тоже резко смолкли, и в воцарившейся тишине Стэнтон почувствовал, как в ушах отдается эхо неожиданно прервавшегося гвалта. Теперь было слышно только жалкие всхлипы одного из узников.

Судьи взяли за руки и склонили головы.

— Бог и Господь наш! — возгласил архиепископ, вскинув лицо к небу. — Ты, кто есть праведнейший из судей! Твой суд есть суд верный и превосходящий любой прочий. Взываем к тебе, да благословишь ты воду эту. И если опущенный в нее муж невинен, да примут воды его тело. Если же он виновен, да изринут они из себя грех его.

Архиепископ опустил взгляд на темную воду и размашисто благословил ее:

— *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti.* Аминь.

— Аминь! — отозвались судьи и нестройно вторящая им толпа.

Стэнтон и сам попытался повторить это слово, но обнаружил, что у него вконец пересохла глотка.

Архиепископ отступил назад, и де Гленвиль ткнул пальцем в первого из обвиняемых:

— Свяжите его!

Ответом на это стал оглушительный рев, и толпа пуще

прежнего навалилась на спину Стэнтону, стремясь получше разглядеть двинувшихся к мужчине стражников.

— Первого берет. — Несбитт не сводил жадного взгляда с помоста. — Мне повезет, я прям чую.

— Что ты вообще чують можешь, Несбитт. — Однако хриплый ответ Стэнтона растворился в оглушительных криках толпы.

Обвиняемого повалили на землю и, прижимая, туго стянули веревками заломленные за спину крест-накрест руки и лодыжки, подтянув их как можно ближе к рукам. Свободный конец веревки обхватил его ноги, а последнюю петлю завязали вокруг пояса.

Де Гленвиль поднял руку, взывая к тишине. Она воцарилась мгновенно, и тогда судья громко обратился к обвиняемому:

— У тебя остается последняя возможность во всем признаться и очистить свою душу. Хотя Господу и без того ведом каждый твой помысел.

Мужчина не издал ни звука, если не считать натужного хриплого дыхания, вызванного как неестественной позой, так и — Стэнтон не сомневался в этом — ужасом перед предстоящим испытанием. Сердце самого Стэнтона билось сильно и часто — у обвиняемого же оно наверняка едва ли не выскакивало из груди.

— Что ж, да будет так! — Де Гленвиль кивнул стражникам. Те одним резким движением подтянули связанного мужчину к самому краю помоста.

Де Гленвиль говорил еще что-то, но тишины уже не стало — деловито выполняющих свою работу стражников накрыло волной рева.

Сквозь обхватывающую пояс обвиняемого петлю пропустили длинную веревку и перекинули ее через высшую балку над помостом. Потом дернули, и мужчина поднялся в воздух над поверхностью воды — комок нелепо скрученных

членов в стремительно намокающей от подступившего ужаса набедренной повязке.

А потом веревка обмякла. Громкий всплеск. Он исчез. Исчез под водой.

Еще больше народу ринулось к первым рядам, отчаянно пытаясь разглядеть происходящее.

Стэнтон вывернул шею, чтобы увидеть хоть что-то сквозь мечущуюся и орущую массу людей. Впрочем, это было лишним — неистовые крики окружающих известили его о произошедшем.

— Он всплыл!

— Слава Господу!

— Виновен!

Визжащая женщина перед ним на миг отшатнулась в сторону, и Стэнтон все увидел сам — выгнутую дугой спину мужчины. Спина подергивалась влево и вправо — обвиняемый то ли пытался глотнуть воздуха, то ли изо всех сил старался уйти на дно.

Знать наверняка Стэнтон не мог.

Еще один удар по плечу. Снова Несбитт, пляшущий в припадке восторга.

Стэнтон не стал отвечать. Он не мог оторвать взгляд от странного силуэта, беспомощно дергающегося на поверхности воды.

Де Гленвиль кивнул стражникам. Те стали быстрыми рывками выбирать вновь натянувшуюся веревку.

Над водой показался уже не обвиняемый, а осужденный убийца. Грязные потоки сбегали с его скорченного тела и лица, глаза были выпучены в безмолвном ужасе, потому что вода по-прежнему душила его. Стражники опустили тело на помост. Изо рта мужчины хлынула вода, и он надрывно закашлялся, жадно втягивая воздух.

— Божья вода не приняла тебя. — Де Гленвиль глядел на распростертого у его ног человека с высоты своего внуши-

тельного роста, — ты признан виновным в совершении двух убийств, в которых ранее был обвинен. Сегодня тебя повесят.

Новая волна криков приветствовала эти слова.

— Гореть тебе в аду!

— Слава Всевышнему! Слава!

— Слава королю Генри! Храни Господь нашего святого короля!

— Да здравствует король! Слава его правосудию!

— Как есть слава! — Несбитт широко ухмыльнулся Стэнтону. — Правосудие его величества подкинуло мне пару монет.

— Ты тоже пойдешь в ад, Несбитт!

И скорей ад замерзнет, чем Стэнтон станет славить короля с его правосудием. Он собственными глазами видел, как судьи ошибались — и ошибались жестоко. Однако он все же невольно взглянул на скорбящего вдовца, который потерял жену и дочь. Руки мужчины были сомкнуты в безмолвной пылкой молитве. Несомненно, благодарственной.

— Свяжите его! — Де Гленвиль указал на второго всхлипывающего обвиняемого.

При виде приближающихся стражников мужчина разразился жалобным криком:

— Нет! Нет! Умоляю!

Воздух над площадью сотряс слитый воедино вопль, будто это был один голос, а не сотни.

Мужчина бился в удерживающих его руках, тщетно молотя по ним всеми своими бледными голыми членами:

— Пустите!

Стэнтон покачал головой, слыша несущиеся со всех сторон вопли и насмешки. Это сопротивление не имело смысла. Мужчина пытался противостоять могучей длани самого короля.

Увесистая оплеуха одного из стражников оглушила обвиняемого, и его смогли обездвижить.

Стэнтон вытер с лица выступивший пот, по-прежнему ощущая, как неестественно быстро бьется сердце, — но стои-

ло ему увидеть, как стражники связывают свою оглушенную жертву для новой ордалии, оно заколотилось пуще прежнего. Он уже не различал в реве толпы отдельных слов, а чувствовал лишь набегающие одна за другой волны исступления.

Над водой. По-прежнему вопит. Вопит. Но эти слабые вопли таяли в реве толпе, оставляя лишь пронзительное эхо, от которого в ушах у Стэнтонна звенело.

А потом мужчина понесся вниз. В яму. И исчез.

Теперь люди напирала друг на друга еще ожесточенней, стремясь любой ценой узреть новый суд воды.

Стэнтон вжался спиной в напирających сзади людей, отчаянно стараясь набрать полную грудь воздуха точно так же, как делал это мгновение назад брошенный в воду человек. О его борьбе безмолвно свидетельствовала дергающаяся веревка.

Однако...

— Он под водой! — Стэнтон вцепился Несбитту в рукав. — Невиновен!

Подхваченный окружающими, его крик эхом отдался над головами.

Несбитт с отвращением сплюнул:

— Да понял уже, будь он проклят.

По-прежнему под водой. И ни зги не видать. Стэнтон обхватил голову руками, безмолвно выкрикивая что-то одними губами. Еще один приговор, но на этот раз другой — невиновен.

Несколько огромных пузырей поднялись из недр ямы на поверхность грязной воды. И все. Человека не было. Веревка дернулась еще несколько раз, словно где-то внизу большая рыбина билась за свою свободу.

А потом веревка замерла. Все. Не шелохнется.

— Поднимайте! — отрывистое распоряжение де Гленвила перекрыло общий шум.

Стражники тянули и тянули веревку, пока скорченный неподвижный силуэт не вырвался из воды в ореоле грязных потоков, как и первый. Но если первый до сих пор валялся на

земле, исходя надсадным кашлем, второй не издал ни звука. Его тело шлепнулось на помост с чавкающим ударом. Рот был широко распахнут, как и несколько минут назад, но теперь из него не доносилось ни звука, а глаза слепо уставились в небо.

Желудок Стэнтонна сжался. Мужчина был мертв. Невинный человек умер.

Хор потрясенных ахов и приглушенный ропот слились с голосами тех, кто все еще вопил и громко молился.

Высоко на помосте де Гленвиль обменялся взглядом с другими судьями, а потом они принялись что-то вполголоса обсуждать. В этот момент на помост поднялась и приблизилась к судьям еще одна фигура в темном облачении.

Стэнтон узнал Элреда Барлинга, одного из старших клерков суда.

— А Барлинг-то что там забыл? — удивился Несбитт.

Стэнтон пожал плечами. Он не знал, да и не интересовался. Ведь чопорный дотошный клерк не вернет жизнь невиновному, который только что ее лишился.

После краткого объяснения Барлинг отступил, склонив в поклоне голову с выбритой тонзурой. Судьи закончили разговаривать и обменялись мрачными кивками.

— Добрые люди! — возгласил де Гленвиль, выступив к толпе и взмахнув открытой ладонью в сторону мертвого мужчины. — У этого человека было три дня на подготовку к ордалии. Он выслушал мессу и присутствовал на богослужении, он постился. Ибо так и только так надо приступить к ордалии — подготовленным и смиренным, всем существом своим предающимся Господу Всемогущему. С непоколебимой верой. — Де Гленвиль сокрушенно покачал головой: — А никак не с неверием. Не со страхом. Этого человека сгубил недостаток веры. Но невиновность его доказана. И если нет на нем других грехов, Господь примет его душу в селения райские. Правосудие свершилось!

Рев толпы приветствовал его слова.

Стэнтон промолчал. Вот оно, правосудие короля. Не изме-

нилось ни на йоту. Невинные гибнут, как и раньше. Он стиснул зубы, чтобы сдержать гнев при звуке вновь раздавшихся криков во славу величия короля.

И тут поверх этого шума неожиданно раздался истошный вопль:

— Я виновен! Виновен!

Это вопил третий обвиняемый — заметно крепче первых двух, с блестящими под солнцем мускулами.

Несбитт опять широко ухмыльнулся в лицо Стэнтону:

— Так-то лучше!

— Слушай, — толкнул тот его локтем.

— Виновен, да! Я виновен!

Мужчина спешно бормотал, пытаясь успеть сказать все, что хотел:

— Да, милорды судьи, виновен! Но умоляю вас, выслушайте меня! Выслушайте!

— Говори. — Лицо де Гленвиля оставалось бесстрастным, как и лица двух других судей.

Мужчина упал на колени:

— Я виновен, но лишь потому, что тоже был там. — Он ткнул пальцем в сторону своего живого товарища: — Он убийца! Он! Все как вода сказала. Вода права. И вы правы, милорды. Я и мертвец — мы оба были там, да. Но мы не совершили никакого преступления, мы оба невиновны. Я признаюсь... признаюсь, видите? Я... не надо меня в воду. Только не туда.

На площади воцарилась тишина, прерываемая лишь негромким аханьем и сдавленными возгласами. Каждый боялся пропустить хоть слово.

— Так ты признаёшь, что присутствовал при убийствах? — спросил де Гленвиль.

— Да, милорд. Я был там, в том доме. Когда женщину с девочкой... — Мужчина запнулся и покачал головой. — Был там, и только.

— И только?

– Да, милорд.

– Ясно.

От тона, которым де Гленвиль произнес это слово, затылок Стэнтонна покрылся мурашками.

Судья продолжил:

– Незадолго до того, как тебя со спутниками вывели из собора, вас раздели донага для подготовки к ордалии. Один из моих клерков тщательно осмотрел ваши одеяния. Это было зашито в твоём плаще. – Де Гленвиль вытащил из своего широкого рукава какую-то вещицу и поднял ее над головой.

Стэнтон судорожно втянул воздух. Теперь он понял, зачем сюда приходил Барлинг.

Обвиняемый сжался, будто его ударили, а вдовец издал исполненный боли крик.

Воздух заполнили недоумевающие возгласы.

Стэнтон молчал. Он знал, что именно де Гленвиль сжимает в руке, потому что уже не раз слышал об этой вещи в суде, – серебряную фибулу.

– Ты присвоил это, – сказал де Гленвиль, – после жесточайшего ограбления, лишив жизни жену и дочь этого человека.

Толпа разразилась воплями ненависти, глядя, как ревущий мужчина пытается броситься на судей, вырываясь из рук не без труда удерживающей его стражи.

Де Гленвиль стоял недвижно как скала, а голос его разносился далеко над площадью:

– Ты надеялся, что лжепризнание избавит тебя от воды и поможет уйти от королевского правосудия. Но ты ничего не добился. Ничего. Наказанием за кражу чужой вещи будет отсечение этой руки, – он указал на правое плечо мужчины, – и этой ноги.

Левой.

Услышав, как злобные крики толпы перерастают в уродливые вопли радости, Стэнтон вновь почувствовал, что его желудок встает на дыбы. Он повернулся к Несбитту:

– Пойдем. Пора выпить еще эля.

Несбитт затряс головой, прижимая палец к губам.

Де Гленвиль по-прежнему смотрел на осужденного:

– Ордалия подтвердила твою вину. Ты признан виновным в ограблении. И... – он взглянул на двух других судей, которые важно кивнули, – и в убийстве. По воле Бога и короля Генриха сегодня тебя повесят.

Вдовец упал на землю, прославляя Бога, судью и короля. Его выкрики потонули в оглушительном реве толпы.

– Но сперва ты заплатишь за украденную вещь. – Де Гленвиль подал знак, и к помосту приблизился стражник с тяжелым топором на плече.

Стэнтон понял, что ему пора уходить.

– С меня хватит.

– Что, юный Стэнтон, кишка тонка на кровь смотреть? – В оскале Несбитта издевки было не меньше, чем в его тоне.

– Порядок у меня с кишками. Просто еще эля хочю.

Да и крови я повидал столько, что тебе и не снилось. С этой мыслью он принялся проталкиваться прочь.

– Увидимся, железное ты пузо. – Несбитт шутливо отсалютовал ему вслед.

Тут Стэнтон почувствовал, как кто-то схватил его за рукав. Он опустил взгляд.

Та самая девушка с толстой каштановой косой смотрела ему прямо в глаза.

– Хотите, покажу вам свежие цветы? – Ее взгляд был призывным, а нижняя губка подрагивала.

Стэнтон повернулся к Несбитту и выдавил ухмылку:

– Смотри в свое удовольствие – уверен, что тебе понравится. – Тут он повернулся к девушке и изобразил улыбку: – А я займусь тем, что радует меня.

Девушка подхватила его под руку и повела прочь сквозь беснующуюся толпу.